

ГЛАВА 1

1

—Я убью кого-нибудь из них.

Честное слово, убью!

Галя схватила сигарету и вхолостую чиркнула зажигалкой.

— Лопатой садовой, — предложила Саша.

Подруга судорожно пыталась закурить.

— Может и лопатой!

— Или граблями.

— Инвентаря там — на три бригады землепашцев! Тяпки всякие, лейки, секаторы... О! Секатором!

Галина чиркнула еще дважды — и швырнула барахлящую зажигалку в стену.

— Они меня доведут! Мне уже оmlет в горло не лезет!

На тарелке перед ней действительно остывал оmlет. Но возможно, флегматично подумала Саша, причина заключалась в том, что Галка сыпанула в него соды вместо соли.

Что, впрочем, тоже неплохо характеризовало ее состояние.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Исаева резко взмахнула ладонью и задела абажур. Тени панически заметались по стенам, жалобно скрипнул провод.

— Чёрт! Чёрт!

— Галь, хватит себя накручивать. — Саша Стриж выпрямилась и остановила маятник раскачивающейся кухонной лампы. — Они хорошие люди...

Если бы сарказмом можно было поджигать, в руках Галины Исаевой истлела бы не только сигарета, но и вся пачка. Да и омлет бы уже полыхал.

— Меня окружали хорошие люди, медленно сжимая кольцо! — процитировала она.

— Сама залезла в это кольцо.

Галя сникла. Нечего спорить: Стриж права, с какой стороны ни погляди. Залезла, как толстуха в хулахуп. И там застряла.

— Сожрут они меня с потрохами, — тоскливо пробормотала она. — В печку на лопате сунут и заслонкой закроют. Как еще изводили добрых молодцев?

— В баньке парили, — машинально сказала Саша, осматривая ящик в поисках коробок. Где-то он ей попадался... А, вот!

— Пройденный этап. Банька уже была. С сугробом.

— Ты ныряла в сугроб?

Саша кинула коробок, Галка ловко поймала.

— Не ныряла, а нырнула. Один раз. И потом торчала бледными ногами из сугроба, как вареная курица из супа, пока меня не вытащили.

Она чиркнула спичкой об коробок и сломала спичку. Пылающая серная головка упала на скатерть.

«Ну, началось...» — поздравила себя Саша.

Вещи, оказавшись в руках ее подруги, принимались вести себя агрессивно. Чайник судорожно пыхал паром, как престарелый обиженный дракон. Сковородка сбрасывала ручку в ту самую секунду, когда ее

вытаскивали с яблочным пирогом из духовки. Шкафы роняли полки, предпочитая стеклянные.

Однажды в юности Саша с Галей забежали в подъезд, и на трех этажах одна за другой приветственно взорвались лампочки. Прошли по первому этажу: дзыньк! Сунулись на второй: бамц! Допрыгали до третьего: хрясь! И везде осколки — только успевай закрывать голову.

Когда Саша добралась до своего четвертого, у нее по загривку бегали мурашки размером с клопа. Она предчувствовала самый большой «хлобысь» в своей жизни. Но на четвертом лампочки попросту не было: выкрутили. Она до сих пор полагала, что неизвестный воришка уберег их от локального катаклизма.

— Можешь представить, как ликовала эта морда? — мрачно спросила Исаева. — Как школьница, на глазах которой директор выпал из окна.

Саша мысленно перебрала семейство Сысоевых, пытаюсь сообразить, о ком идет речь. Образ парящего за окном директора в костюме и съехавших на нос очках мешал сосредоточиться.

— Стриж, спасай! — Галка молитвенно сложила ладони. — Поезжай со мной!

— Забудь, — коротко отказалась Саша.

— Всего три дня!

— Какая там от меня может быть помощь! Труп закопать?

— Моральная! Сашка, я одна среди них озверею. Они в меня пиками будут тыкать. Как матадоры в быка!

— Ты не одна, — напомнила Саша. — У тебя Олег.

— Мужчины в таких делах понимают не больше, чем медуза в коньяке!

Летающий директор в Сашином воображении сменился крепко выпивающей медузой. Галка еще раз

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

чиркнула спичкой (на этот раз отлетела стенка короб-ка) и криво усмехнулась:

— Он до сих пор уверен, что для его сестры я чистейшей прелести чистейший образец.

— А на самом деле? — осторожно спросила Саша.

Галя хрипло засмеялась.

— Она мне ледоруб в лоб засадит — глазом не моргнет.

К директору и медузе прибавилась Галка в таком виде, что Саша содрогнулась и поспешно отогнала скверное видение.

Исаевой наконец-то удалось прикурить, и она глубоко затянулась. Острое ее лицо немного расслабилось.

Они дружили с института, Саша Стриженова по прозвищу Стриж и Галина Исаева, которую все звали Галкой. Стриж и Галка, птичий базар, как подшучивали однокурсники. На третьем курсе Галка решила, что медицина — не ее призвание, бросила постылые галеры и пустилась в свободное плавание. На несколько лет Саша потеряла ее из виду.

За Исаеву она не беспокоилась. Галя никак не должна была пропасть. Еще в институте недоброжелатели прозвали ее бульдогом, намекая на исаевскую энергичность и хватку, а также храбро выпяченную нижнюю челюсть. Легче было отобрать антилопу у долго постившегося крокодила, чем то, во что вцеплялась Галина.

Она была работоголик, сквернослов и «девка буйная», как говорила о ней гардеробщица в институте. Девка буйная в ответ на ходу огрызалась и мчалась дальше по жизни, раздражая врагов неумной энергией. От Галки можно было запитывать лампочки и прикуривать двигатели.

Взбалмошность удивительным образом уживалась в ней с практической сметкой: начав работать, Галя за два года накопила первый взнос и купила в ипотеку квартиру. Жилище это, двухкомнатная хрущевка на Соколе, составляло предмет ее огромной гордости. Транжира Исаева перешла на хлеб и гречку, задушила в себе сибарита и на пять лет превратилась в аскета со сверкающим от голода взором. Но по истечении этого срока полностью расплатилась с банком.

В жизнь Саши Стриженовой подруга вновь ворвалась, размахивая фатой.

«Замуж выхожу!»

Надо сказать, в свою квартиру Исаева регулярно приводила брошенных собак, помоечных кошек и прочих четвероногих бедолаг, обиженных судьбой. Бесприютная эта дрань отъедалась на исаевских харчах, залечивала лапы, глаза и уши, после чего пристраивалась в хорошие руки.

Галя Исаева до слез жалела убогих зверушек.

Только этим Саша могла объяснить ее скоропальчатое замужество.

Муж был их бывший однокурсник, тоже выкинутый за борт на третьем курсе: плюгавенький длинноносый и косоглазый юноша невообразимо унылого вида. Ослик Иа-Иа рядом с ним показался бы агентом по продаже оптимизма и безудержной радости.

Ни к какой продуктивной деятельности муж не был способен. Основная функция его, как у персидского кота, заключалась в том, чтобы выразительно раскинуться на диване и лежать целый день, иногда снисходя до обеда.

Поначалу Саша надеялась, что Галя пойдет по накатанному пути, то есть изведет у подобранный блох,

приучит к лотку, а затем пристроит в хорошие руки. Но время шло, и стало ясно, что муж прочно обосновался в квартире. «Я по натуре созерцатель», — говорил о себе Арсений. «Ты по натуре кадавр», — хотелось ответить Саше, но она сдерживалась.

Аппетит у Сенечки был отменный. Приготовленную Галкой четырехлитровую кастрюлю борща он съедал за двадцать минут, равномерно взмахивая ложкой как лопатой и закапываясь по уши в свекольно-мясную гущу. Саше иногда хотелось приподнять Сенечку и посмотреть, не торчит ли из него шланг, по которому потребляемый продукт утекает в неведомые дали. Невозможно было поверить, чтобы в одном субтильном человечке помещались такие объемы!

Жену Сенечка жалел. Приговаривал: «Бестолочь ты моя неприкаянная. Пропадешь ведь без меня». Поскольку с работой у Арсения не складывалось, он взял на себя домашние хлопоты, и, надо отдать ему должное, очень старался сделать жене приятное. Например, варил ей кофе. Протирал статуэтку лошади, подаренную Галине его мамой (Исаева подозревала, что подарок был с толстым намеком). Частенько переставлял в шкафу книги.

Галя пахала как упомянутая лошадь и, придя домой, валилась с копыт. Ее встречали чистый голодный Сенечка, натертая до блеска статуэтка и чашечка ароматного напитка.

Однажды в их квартире из унитаза забил гейзер, и содержимое канализации потекло по квартире. Вернувшись с работы Исаева обнаружила мужа испуганно ютящимся на табуретке. Напротив него висела статуэтка лошади — без единой пылинки. «Галочка! — обрадованно вскричал Сенечка, узрев в дверях жену. — А я тебя ждал!»

Исаева приняла решение о разводе так же стремительно, как о браке, и выставила супруга вместе со статуюткой. Сеня цеплялся за косяки и уверял Галину, что она без него пропадет.

.....

—...Сашка, мне свидетель нужен!

Саша вздрогнула, вырванная из плена воспоминаний. Свидетель? Свидетель *чего*?

— Свидетельница, — поправилась Галя. — Роспись же. В загсе.

— Понесло тебя в шавловский загс...

— Мы договорились, что зарегистрируемся и сразу уедем. Олега семья уломала, черт бы их побрал. Если бы не они, расписались бы тихо в Москве, в рабочем порядке. Но у них же родственники!

Последнее слово Галина произнесла со сложной интонацией. Обычно подобный тон используют матери, запрещая своим отпрыскам притаскивать помоечного котенка домой с мотивировкой «у него же глисты».

— Родственники?

— Ну да. И соседи. И плотник с женой. И все, от соседей до плотника, непременно должны наблюдать, как Олег наденет мне на палец обручальное кольцо. Иначе это неуважение к общественности и плевок в душу. Понимаешь?

— Нет, — честно призналась Саша.

— Вот и я не понимаю. Но у них так положено.

Саша хотела было предложить Исаевой оставить незнакомого ей Олега вместе с его родственниками, плотником и «*положено*». Но взглянула на подругу и отбросила эту безнадежную затею.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

— Сашка, не бросай меня, — проникновенно сказала Галка. — Три дня! Десятого семейная вечеринка, двенадцатого роспись — и все! Я не имею права сорваться. А они будут меня выводить из себя! О-о, как они будут выводить меня из себя! — Галина обхватила голову руками. — Там три бабы, и каждая спихнула бы меня с моста, если б только я сдуру села на перила. Это люди, к которым можно поворачиваться только задницей. В спину толкнут, в лицо плюнут.

— Брось! Какой от меня прок?!

— У тебя мозги!

— Не может быть, — усомнилась Саша.

— Золотые! И ведро!

— Ведер не держим, — открестилась Стриж.

— Метафорическое, Стриж! С ледяной водой. Поливать мою голову и напоминать, что поставлено на кон!

Галя легонько постучалась лбом об скатерть и осталась лежать, зажмурившись. В кухне повисло молчание, пропахшее несоленным омлетом и сигаретным дымом.

— Галь, а Галь... — позвала Саша.

— М-м?

— Он хоть того стоит?

Галка приподняла голову и улыбнулась. Если бы крокодил выпустил антилопу, повязал ей бантик и покровительственно похлопал по заднице, это не произвело бы на Сашу такого впечатления. Так могла бы улыбаться Ассоль, навстречу которой летел корабль с парусами цвета зари. Или Золушка, перед которой измученный и счастливый принц опустился на колени со второй туфелькой.

«О, господи. Влюбилась, дурында».

— Друга хоть можно с собой взять? — обреченно спросила Саша.

— Ты подкаблучник, — сурово сказал Бабкин.

Частный сыщик Макар Илюшин радостно захохотал и повалился на диван.

— Что ты ржешь? — рассердился Сергей. — Налицо деградация твоей гениальной личности. Завтра ты тащишься с ней в эту дыру, а послезавтра решишь бросить дела и осесть в деревне.

— Растить капусту, — непонятно сказал Макар, ухмыляясь во весь рот. — Кстати, почему «ты»?

— Что?

— Почему ты говоришь «завтра ты тащишься с ней»? Мы тащимся, напоминаю.

Бабкин осуждающе шмыгнул.

— А отчего ты вдруг решил составить мне компанию, я что-то подзабыл, — невиннейшим тоном осведомился Илюшин. И поскольку Сергей, насупившись, хранил молчание, щелкнул пальцами: — Ах да! Тебя жена попросила! И ты как суровый мужик, глава семьи и просто человек, чье слово всегда является законом для домашних, взял и согласился. Ха-ха! Ха-ха-ха!

Смотреть на издевательски хохочущего Илюшина было выше Сергеевых сил, поэтому он ушел на кухню и осушил там терапевтическую бутылку ледяного пива.

В Шавлов поначалу ехать не хотелось. Но когда одна страстно влюбленная женщина дергает за ниточку, все мироздание начинает танцевать под ее дудку. А уж когда две страстно влюбленных женщины делают это, спасения от их шаманства не найти даже в Марианской впадине.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

С Сашей Стриженовой Илюшин познакомился во время расследования последнего дела. Маша, жена Бабкина, отправилась на встречу с бывшими одноклассниками, среди которых была и Стриженова. На этой встрече убили человека. Подозревали в преступлении именно Машу, поэтому сыщикам пришлось вмешаться в официальное расследование.

Илюшин внес в версию следователя кое-какие коррективы, и два дня спустя убийцу нашли. А сам Макар нашел Сашу Стриженову.

Илюшин не придавал женщинам в своей жизни большого значения. Из подобных людей выходят отпетые бабники или стойкие анахореты. Макар не стал ни тем, ни другим. Он легко заводил необременительные связи и так же запросто обрывал их. Заботливый и внимательный ко всем своим подругам, он вводил их этой заботой в заблуждение: им мнилось, что под обычной галантностью скрывается что-то более глубокое.

«Бессердечный ты тип», — говорил Бабкин Макару после крушения очередной любовной лодки. Маша однажды назвала его Питером Пэном, вечным юнцом, бегущим от взросления.

«Черт его знает, — размышлял Бабкин, — что-то в этом есть. И выглядит пацаном, и ведет себя как дурак».

Но тут появилась Саша Стриженова, женщина с мальчишеской стрижкой и тревожными глазами. Даже Бабкин, глядя на нее, чувствовал в себе смутный призыв схватиться за фотоаппарат и запечатлеть... увековечить... поймать, вот что! Поймать эту дивную, хрупкую красоту и сберечь, как... Что там веками сохраняется в янтаре?

«Муха, допустим», — с сомнением думал Бабкин, ощущая, что сравнение не из тех, которые стоит произносить вслух.